

Храм невелик, поэтому паломников здесь немного. В главном зале хранится редкий бодхисаттва Кшитигарбха с горы Вутай, а монахов немного. Только старый монах стучал деревянными рыбками в главном зале.

Ян Чжао помог Линь Цинъюю встать на колени на циновке и искренне постучал по трем головам.

Линь Цинъюю также искренне постучал тремя головами. Этот Бодхисаттва отвечает за ад, и он приходит с лучом души, что означает, что **** и все остальное должно существовать. В любом случае, пожалуйста, пораруйте это место, которое всегда хочет уйти. Начальнику всегда не повредит. Кроме того, Янь Сань боится, что он все еще ждет у моста Найхэ, поэтому Бодхисаттва, не мог бы ты принести письмо, чтобы сказать Янь Саню, что Линь Цинъюю теперь жив, и он не должен беспокоиться об этом.

По сравнению с Ян Чжао, голова Линь Цинъюя стучала дольше. Старый монах поднял голову и посмотрел на нее. Увидев, что она стучит, он снял заколку с ее головы и положил ее на шкатулку с заслугами. Он посмотрел на нее еще несколько раз, затем посмотрел на мужчину рядом с ним, который достал из кошелька большой серебряный слиток и положил его на шкатулку, его беззубый рот расплылся в улыбке, он встал и прошел перед ними.

Ян Чжаочжэн взял сбоку благовония, а когда подошел старый монах, он стоял молча и смотрел на него.

Старый монах посмотрел на Ян Чжао, затем на Линь Цинъюя и с улыбкой сказал: "Получить - не обязательно получить. Потерять - не обязательно потерять. Донор, просто храни свое сердце. То, о чем ты думаешь, будет достигнуто в конце концов". Увидев ошеломленное лицо Линь Цинъюя, он улыбнулся и вышел.

Играет ли эта машина дзэн? Линь Цинъюю смотрел, как старый монах неторопливо, но быстро ушел, потеряв дар речи, помог Ян Чжао встать и почтительно положил трехстолбовое благовоние ему на спину, а затем медленно вышел из храма с Ян Чжао на спине.

"Этот человек окровавлен, он слишком зол, я боюсь..." сказал старый монах, стоявший в углу, медленно подошедшему старому монаху.

"Эта женщина - человек, который внес большой вклад в этот мир. Хотя этот человек убил слишком много, но он был непредубежденным, и убийства совершались ради страны и народа. Он был жестокосердным человеком", - старый монах повернулся и посмотрел вслед уходящим. У ворот храма он сказал: "Жаль только, что любовь никогда не будет жить".

Вскоре после того, как я вышел из ворот храма, начался легкий дождь, лес по-прежнему освещался ярким солнечным светом, но по нему стучали мелкие капли дождя.

Линь Цинъюю взял зонт у Ин Шисань и раскрыл его на голове Ян Чжао, неторопливо прогуливаясь среди группы людей, искавших место, где можно спрятаться от дождя.

Когда Янь Ци и его спутники спустились с горы под каплями дождя, они увидели двух людей, прогуливающихся под дождем, таких же гармоничных и теплых, как чернильный пейзаж.

Выражение лица Ян Чжао было ошеломленным. По пути они оставляли метки, чтобы Хэйшуйгуань можно было сразу найти, если что-то случится. После такого спокойного и неторопливого дня, увидев Мэн Су в это время, его сердце вдруг сжалось. Знаю, по крайней

мере на этот раз свободных дней больше не будет.

Вернулись шпионы из Шуочжоу и Цюаньчжоу. Армия Ляо и армия Даньсяна в Шуочжоу часто менялись. В небольшом конфликте между двумя сторонами в апреле государство Ляо убило любимого сына влиятельного дворянина в Даньсян. Теперь Даньсян послал 200 000 солдат, чтобы противостоять государству Ляо в Учжоу, Шуочжоу. Произошло несколько стычек. Недавно обе стороны собрались. Некоторые войска начали приближаться к двум небольшим городам, которые Ян Чжао захватил в прошлом году.

Это большое дело. Не дожидаясь, пока Ян Чжао заговорит, Линь Цинъюй сказал: "Чжао, ты возвращайся первым, а я вернусь позже". Она все еще не умеет ездить на лошади. Если Ян Чжао будет следовать за ней в повозке, то дорога займет два дня. Огонь, нельзя медлить.

Ин Цзю сошел с коня, Ян Чжао опустил Линь Цинъюй на землю, собрал ее волосы, разбросанные ветром, нежно поцеловал в губы и прошептал: "Ты тоже скоро вернешься, не задерживайся. "

Линь Цинъюй улыбнулся и кивнул, положил руки на плечи Ин Тринадцатой, замер и с улыбкой сказал: "Я знаю, я вернусь, соберу свои вещи и потороплюсь".

Не желая сдаваться, Ян Чжао сел на лошадь и вместе с Мэн Су ускакал под дождем.

Когда они исчезли, Линь Цинъюй не мог больше терпеть. Как только он наклонил свое тело, его поддержала Янь Ци, которая уже спрыгнула с лошади. Затем он поднял ее и сказал: "Тринадцатый, веди".

Путь назад еще очень далек. Линь Цинъюй с некоторым беспокойством посмотрел на Янь Ци, затем на Ин Цзю, которая шла позади с лошадью, и спросил: "Твои раны зажили?".

"Почти все". Янь Ци улыбнулся. Естественно, он и Инцзю получили внутренние травмы. Внешние повреждения легко восстановить, но внутренние не так легко вылечить. Тем не менее, Инцзю и Инцзю послали его и попросили других **** Линь Цинъюй вернуться. Не волнуйся, лучше прийти самому, даже если травма не заживет, он и Ин Цзю считаются сильнейшими в бою.

Линь Цинъюй склонил голову на грудь и с улыбкой сказал: "Нас также можно считать собранием раненых".

"Ну, на этот раз Алан сделал много лекарств. Похоже, что Ян Чжао и остальные скоро отправятся в Иньчжоу". Янь Ци посмотрела на взволнованное лицо Линь Цинъюя и сказала: "Можешь идти и не спрашивай меня". "

"Скупой". Линь Цинъюй разинул рот и пробормотал, затем положил голову на грудь. Услышав биение сердца в груди, он вздохнул низким голосом: "Янь Ци, ты жив, так хорошо...".

Ин Цзю и Ин Ши 13 быстро собрали свои вещи. После обеда они покинули монаха и вернулись в уезд.

Во второй половине дня начался сильный дождь, от мороси до величественного ливня, горная дорога была полна грязи, и карета подпрыгивала.

Янь Ци открыл занавеску, посмотрел на него, слегка нахмурился и громко сказал: "Тринадцатый, ты не можешь поторопиться?".

Ин Шисань вытер дождь с лица. Дождь был слишком сильным, а горная дорога - неровной, так что густой лес перед ним был окутан туманом, и он не мог разглядеть и десяти метров.

"Боюсь, это не сработает, скоро станет опасно". ответил Ин Шисань.

Если вы будете следовать с такой скоростью, боюсь, вы не сможете добраться до постоянного двора до наступления темноты. Эта повозка не лучше вашей собственной. Невозможно разбить лагерь на улице под таким проливным дождем". Янь Ци посмотрел на Линь Цинъю, которая уже спала на его коленях, хотя до 14 июля осталось еще несколько дней, но у нее уже несколько раз случались преждевременные приступы, поэтому он должен приехать сам.

"Посмотрим, есть ли здесь место для отдыха?" сказал Янь Ци. Если бы я знал, что идет такой сильный дождь, я бы предпочел остаться в храме Линпу на ночь".

"Я поищу". Ин Цзю дернул дверцу машины, выпрыгнул из нее, отстегнул поводья лошади от задней части машины, завел лошадь и погнал ее вперед.

Я встал посреди ночи, чтобы подняться на гору и посмотреть на восход солнца. Хотя повозка стала очень тряской, Лин Цинъю все еще мирно спал в ногах Янь Ци с улыбкой на лице, которое немного пополнило.

Пальцы Янь Ци провели по бровям и глазам. Битва не на жизнь, а на смерть длится уже больше двух месяцев, но кажется, что это было еще вчера. Каждый раз, когда он видит, как она непроизвольно ищет ту фигурку, он знает, что она стоит перед ней. Кровавая фигура была вырезана в ее костях и крови, как и слова, которые она прошептала низким голосом, он также знал, что она должна думать о человеке, как кровь в ее сердце.

Это была незабываемая любовь, даже если она также любила Ян Чжао, она также была влюблена в Ян Чжао, но никто не мог заменить Янь Саня в ее сердце.

Не можешь заменить место в сердце, тогда заполни сначала место рядом с собой. Янь Сань, вот что ты сказал: если ты умрешь, это будет принадлежать мне.

Янь Ци опустил голову и легонько чмокнул губами ****.

Да-да-да, быстрый звук лошадиных копыт, голос Ин Цзю доносился из-за завесы дождя: "Тринадцатый, перед ним есть заброшенный храм, его можно разместить."

Следуя за Ин Цзю, Ин XIII повернул карету и свернул на небольшую дорогу рядом с официальной дорогой. Вскоре после въезда на нее показался разрушенный храм.

Стена храма обвалилась пополам, а ворота висят по диагонали на той половине стены, которая не упала. От дома внутри остался главный зал и половина черепицы. Остальное - сломанные карнизы и разбитые стены, словно от огня. Сгорели одинаково.

Ин Цзю вышиб ворота, позволив Ин XIII въехать на повозке во двор, а затем отправился в лес снаружи, чтобы нарубить много веток, и запрыгнул на крышу главного зала, прикрыв ветками малую половину, на которой не хватало черепицы. Таким образом, главный зал был засчитан. Это глупо.

Ин Тринадцатый сначала успокоил лошадь, затем вымел чистое место в главном зале, а потом перенес сломанные бревна из заброшенных домов по обе стороны в главный зал и развел костер.

После того, как все было улажено, Ин Шисань поставил зонт и накрыл им дверь кареты, и сказал: "Семь господ, вы можете войти."

Янь Ци осторожно подхватил Линь Цинъюй, вышел из кареты и быстро прошел в главный зал, взглянул на статую бодхисаттвы Гуаньинь, которая уже наполовину склонилась, и подошел к огню.

После того, как Ин Шисань отправил Янь Ци в дом, он повернулся и пошел к повозке, чтобы взять одеяла и подушки, и разложил их на очищенной земле, затем положил мягкие спинки, а потом взял большой плащ и тонкое одеяло.

Янь Ци осторожно положила Линь Цинъюй на циновку, села рядом с ней, обняла ее и прислонилась к ней.

Линь Цинъюй тихонько напевала, устроившись поудобнее, и продолжала спать.

Ин Цзю из веток деревьев построил простой навес для повозки и лошади, а затем принес несколько кусков мяса дичи, которые попались во время рубки дров.

Ин Тринадцатый принял дичь и присел на корточки под дождем, чтобы обработать ее, и в то же время взял деревянное ведро на повозке и поставил его снаружи, чтобы укрыться от дождя. Увидев вошедшего Ин Цзю, который зажимал кулаком рот и дважды кашлянул, Янь Ци сказал: "Девять, сначала переоденься, чтобы ты мог отрегулировать дыхание".

Ин Цзю кивнул, вернулся в повозку и принес одежду нескольких человек. Затем он проглотил таблетку и снял свой плащ. Бинт, обернутый вокруг его талии, уже пропитался красной кровью.

"Не говори об этом". Как только Ин Цзю собрался сорвать повязку, он услышал голос Линь Цинъюй. Оглянувшись, Линь Цинъюй села на руки Янь Ци и, нахмурившись, смотрела перед собой.

"Иди сюда, девять". Линь Цинъюй позвал, с оттенком боли между бровями.

Ин Цзю подошел и увидел, что Линь Цинъюй хочет помочь ему с лекарством. Он посмотрел на подушку под ней, покачал головой и сказал: "Она намокнет".

"Долговязый", - Линь Цинъюй уставился, сел прямо, хлопнул себя по боку и сказал: "Смени штаны, иди сюда".

Ин Цзю издал возглас, сменил штаны, а затем сел рядом с ней топлесс, сказав: "Уже почти лучше, это не проблема".

Линь Цинъюй осторожно снял повязку.

Увидев, что из двух медных монет спереди и сзади все еще течет мелкая кровь, он взял лекарство, которое передал Янь Ци, осторожно помог ему приготовить его, а затем заменил его новым. Перевязав рану, он вздохнул: "Травма все та же, зачем ты пришел сюда?". В такой

сильный дождь я совсем себя не берегу.

Ин Цзю надел рубашку и с улыбкой сказал: "Все в порядке. Раньше я убивал людей, если рана загнивала".

Ин Тринадцатый принес воду и дичь, которая была обработана, и сказал: "Ты один глуп. Тебя каждый раз вычисляют".

"Тринадцатый, переоденься и принеси одежду позже".

"Хорошо." Услышав слова Лин Цинъю, Ин Тринадцатая передала игру Ин Цзю, а сама сняла слишком мокрую одежду.

Он оправился от травмы, но даже с чудесными руками Алана и хорошими лекарствами, на его теле все еще оставались различные шрамы, особенно следы от паяльника, расцветшие на его стройном и красивом теле, как распустившийся цветок. на.

Зрачки Линь Цинъю слегка уменьшились, а затем он поднял голову. Ин Тринадцатая быстро надела чистую одежду, затем взяла из рук Ин Цзю дичь, поставила ее на огонь, а потом достала различные приправы.

Храм не большой, поэтому паломников не так много. В главном зале хранится редкий бодхисаттва Кшитигарбха с горы Вутай, а монахов немного. Только старый монах стучал деревянными рыбками в главном зале.

Ян Чжао помог Линь Циню встать на колени на циновке и искренне постучал по трем головам.

Линь Цинъюй также искренне постучал тремя головами. Этот Бодхисаттва отвечает за ад, и он приходит с лучом души, что означает, что **** и все остальное должно существовать. В любом случае, пожалуйста, порадуите это место, которое всегда хочет уйти. Бодхисаттве всегда нет вреда.

Кроме того, Янь Сань боится, что он все еще ждет у моста Найхэ, поэтому Бодхисаттва, не могли бы вы принести письмо, чтобы сказать Янь Саню, что Лин Цинъюй теперь жив, и он не должен беспокоиться об этом.

По сравнению с Ян Чжао, голова Лин Цинъюй стучала дольше. Старый монах поднял голову и посмотрел на нее. Увидев, что она стучит, он снял заколку с ее головы и положил ее на шкатулку с заслугами. Он посмотрел на нее еще несколько раз, затем посмотрел на мужчину рядом с ним, который достал из кошелька большой серебряный слиток и положил его на шкатулку, его беззубый рот расплылся в улыбке, он встал и прошел перед ними.

Ян Чжаочжэн взял сбоку благовония, а когда подошел старый монах, он стоял молча и смотрел на него.

Старый монах посмотрел на Ян Чжао, затем на Линь Цинъюй и с улыбкой сказал: "Получить - не обязательно получить. Потерять - не обязательно потерять. Донор, просто храни свое сердце. То, о чем ты думаешь, будет достигнуто в конце концов". Увидев ошеломленное лицо Линь Цинъюй, он улыбнулся и вышел.

Играет ли эта машина дзэн? Линь Цинъюй смотрел, как старый монах неторопливо, но быстро ушел, потеряв дар речи, помог Ян Чжао встать и почтительно положил трехстолбовое благовоние ему на спину, а затем медленно вышел из храма с Ян Чжао на спине.

"Этот человек окровавлен, он слишком зол, я боюсь..." сказал медленно подошедшему старому монаху, стоявшему в углу.

"Эта женщина - та, кто внес большой вклад в этот мир. Хотя этот человек убил слишком много, но он был непредубежденным, и убийство было также ради страны и народа. Он был жестокосердным человеком", - старый монах повернулся и смотрел, как эти двое уходят. У ворот храма он сказал: "Жаль только, что любовь никогда не будет жить".

Вскоре после того, как я вышел из ворот храма, начался мелкий дождь, лес по-прежнему освещался ярким солнцем, но на него падали мелкие капли дождя.

Лин Цинъюй взял зонт у Ин Шисаня и раскрыл его на голове Ян Чжао, неторопливо прогуливаясь среди группы людей, искавших место, где можно спрятаться от дождя.

Когда Янь Ци и его спутники спустились с горы под каплями дождя, они увидели двух людей, прогуливающихся под дождем, таких же гармоничных и теплых, как чернильный пейзаж.

Выражение лица Ян Чжао было ошеломленным. По пути они оставляли метки, чтобы Хэйшуйгуань можно было сразу найти, если что-то случится. После такого спокойного и неторопливого дня, увидев Мэн Су в это время, его сердце вдруг сжалось. Знаю, по крайней мере на этот раз свободных дней больше не будет.

Вернулись шпионы из Шуочжоу и Цюаньчжоу. Армия Ляо и армия Даньсяна в Шуочжоу часто менялись. В небольшом конфликте между двумя сторонами в апреле государство Ляо убило любимого сына влиятельного дворянина в Даньсян. Теперь Даньсян послал 200 000 солдат, чтобы противостоять государству Ляо в Учжоу, Шуочжоу. Произошло несколько стычек. Недавно обе стороны собрались. Некоторые войска начали приближаться к двум небольшим городам, которые Ян Чжао захватил в прошлом году.

Это большое дело. Не дожидаясь, пока Ян Чжао заговорит, Линь Цинъюй сказал: "Чжао, ты возвращайся первым, а я вернусь позже". Она все еще не умеет ездить на лошади. Если Ян Чжао будет следовать за ней в повозке, то дорога займет два дня. Огонь, нельзя медлить.

Ин Цзю сошел с коня, Ян Чжао опустил Лин Цинъюй на землю, собрал ее волосы, разбросанные ветром, нежно поцеловал в губы и прошептал: "Ты тоже скоро вернешься, не задерживайся. "

Линь Цинъюй улыбнулся и кивнул, положил руки на плечи Ин Тринадцатой, замер и с улыбкой сказал: "Я знаю, я вернусь, соберу свои вещи и потороплюсь".

Не желая сдаваться, Ян Чжао сел на лошадь и вместе с Мэн Су ускакал под дождем.

После того как они исчезли, Линь Цинъюй не мог больше терпеть.

Как только он наклонил свое тело, его поддержала Янь Ци, которая уже прыгнула с лошади. Затем он поднял ее и сказал: "Тринадцатый, веди".

Путь назад еще очень далек. Лин Цинъюй с некоторым беспокойством посмотрел на Янь Ци, затем на Ин Цзю, которая шла позади с лошастью, и спросил: "Твои раны зажили?".

"Почти все". Янь Ци улыбнулся. Естественно, он и Инцзю получили внутренние травмы. Внешние повреждения легко восстановить, но внутренние не так легко вылечить. Тем не

менее, Инцзю и Инцзю послали его и попросили других **** Линь Цинъюй вернуться. Не волнуйся, лучше прийти самому, даже если травма не заживет, он и Ин Цзю считаются сильнейшими в бою.

Линь Цинъюй склонил голову на грудь и с улыбкой сказал: "Нас также можно считать собранием раненых".

"Ну, на этот раз Алан сделал много лекарств. Похоже, что Ян Чжао и остальные скоро отправятся в Иньчжоу". Янь Ци посмотрела на взволнованное лицо Лин Цинъюя и сказала: "Можешь идти и не спрашивай меня". "

"Скупой". Линь Цинъюй разинул рот и пробормотал, затем положил голову на грудь. Услышав биение сердца в груди, он вздохнул низким голосом: "Янь Ци, ты жив, так хорошо...".

Ин Цзю и Ин Ши 13 быстро собрали свои вещи. После обеда они покинули монаха и вернулись в уезд.

После обеда начался сильный дождь, от мороси до величественного ливня, горная дорога была полна грязи, и карета подпрыгивала на ухабах.

Янь Ци открыл занавеску, посмотрел на нее, слегка нахмурился и громко сказал: "Тринадцатый, ты не можешь поторопиться?".

Ин Шисань вытер дождь с лица. Дождь был слишком сильным, а горная дорога - неровной, так что густой лес перед ним был окутан туманом, и он не мог разглядеть и десяти метров.

"Боюсь, это не сработает, скоро станет опасно". ответил Ин Шисань.

Если ты будешь идти с такой скоростью, боюсь, ты не сможешь добраться до гостиницы до наступления темноты".

Эта повозка не лучше вашей собственной. Невозможно разбить лагерь на улице под таким проливным дождем. Янь Ци посмотрел на Лин Цинъю, которая уже спала у него на коленях, хотя до 14 июля осталось еще несколько дней, но у нее уже несколько раз случались преждевременные приступы, поэтому он должен приехать сам.

"Посмотрим, есть ли здесь место для отдыха?" сказал Янь Ци. Если бы я знал, что идет такой сильный дождь, я бы предпочел остаться в храме Линпу на ночь".

"Я поищу". Ин Цзю дернул дверцу машины, выпрыгнул из нее, отстегнул поводья лошади от задней части машины, завел лошадь и погнал ее вперед.

Я встал посреди ночи, чтобы подняться на гору и посмотреть на восход солнца. Хотя повозка стала очень тряской, Лин Цинъю все еще мирно спал в ногах Янь Ци с улыбкой на лице, которое немного пополнело.

Пальцы Янь Ци провели по бровям и глазам. Битва не на жизнь, а на смерть длится уже больше двух месяцев, но кажется, что это было еще вчера. Каждый раз, когда он видит, как она непроизвольно ищет ту фигурку, он знает, что она стоит перед ней. Кровавая фигура была вырезана в ее костях и крови, как и слова, которые она прошептала низким голосом, он также знал, что она, должно быть, думает об этом человеке, как кровь в ее сердце.

Это была незабываемая любовь, даже если она также любила Ян Чжао, она также была

влюблена в Ян Чжао, но никто не мог заменить Янь Сана в ее сердце.

Не можешь заменить место в сердце, тогда сначала заполни место рядом с собой. Янь Сань, вот что ты сказал: если ты умрешь, это будет принадлежать мне.

Янь Ци опустил голову и легонько чмокнул губами ****.

Да-да-да, быстрый звук лошадиных копыт, голос Ин Цзю доносился из-за завесы дождя: "Тринадцатый, перед ним есть заброшенный храм, его можно разместить."

Следуя за Ин Цзю, Ин XIII повернул карету и свернул на небольшую дорогу рядом с официальной дорогой. Вскоре после въезда на нее показался разрушенный храм.

Стена храма рухнула пополам, а ворота висят по диагонали на той половине стены, которая не упала. От дома внутри остался главный зал и половина черепицы. Остальное - сломанные карнизы и разбитые стены, словно от огня. Сгорели одинаково.

Ин Цзю вышиб ворота, позволив Ин XIII въехать на повозке во двор, а затем отправился в лес снаружи, чтобы нарубить много веток, и запрыгнул на крышу главного зала, прикрыв ветками малую половину, на которой не хватало черепицы. Таким образом, главный зал был засчитан. Это глупо.

Ин Тринадцатый сначала успокоил лошадь, затем вымел чистое место в главном зале, а потом перенес сломанные бревна из заброшенных домов по обе стороны в главный зал и развел костер.

После того, как все было улажено, Ин Шисань поставил зонт и накрыл им дверь кареты, и сказал: "Семь господ, вы можете войти."

Янь Ци осторожно подхватил Линь Цинъюй, вышел из кареты и быстро прошел в главный зал, взглянул на статую бодхисаттвы Гуаньинь, которая уже наполовину склонилась, и подошел к огню.

После того как Ин Шисань отправил Янь Ци внутрь, он повернулся и пошел к карете, чтобы взять одеяла и подушки и разложить их на очищенной земле, затем положил мягкие спинки, а потом взял большой плащ и тонкое одеяло.

Янь Ци осторожно положила Линь Цинъюй на циновку, села рядом с ней, обняла ее и прислонилась к ней.

Линь Цинъюй тихонько напевала, устроившись поудобнее, и продолжала спать.

Ин Цзю из веток деревьев построил простой навес для повозки и лошади, а затем принес несколько кусков мяса дичи, которые попались во время рубки дров.

Ин Тринадцатый принял дичь и присел на корточки под дождем, чтобы обработать ее, и в то же время взял деревянное ведро на повозке и поставил его снаружи, чтобы укрыться от дождя.

Увидев вошедшего Ин Цзю, зажавшего рот кулаком и дважды кашлянувшего, Янь Ци сказал: "Девять, сначала переоденься, чтобы ты мог отрегулировать дыхание".

Ин Цзю кивнул, вернулся в повозку и принес одежду нескольких человек. Затем он проглотил

таблетку и снял свой плащ. Бинт, обернутый вокруг его талии, уже пропитался красной кровью.

"Не говори об этом". Как только Ин Цзю собрался сорвать повязку, он услышал голос Линь Цинъюя. Оглянувшись, Лин Цинъюй села на руки Янь Ци и, нахмурившись, смотрела перед собой.

"Иди сюда, девять". Линь Цинъюй позвал, с оттенком боли между бровями.

Ин Цзю подошел и увидел, что Лин Цинъюй хочет помочь ему с лекарством. Он посмотрел на подушку под ней, покачал головой и сказал: "Она намокнет".

"Долговязый", - Линь Цинъюй уставился, сел прямо, похлопал себя по боку и сказал: "Смени штаны, иди сюда".

Ин Цзю издал возглас, сменил штаны, а затем сел рядом с ней топлесс, сказав: "Уже почти лучше, это не проблема".

Лин Цинъюй осторожно снял повязку. Увидев, что из двух медных монет спереди и сзади все еще течет мелкая кровь, он взял лекарство, которое передала Янь Ци, осторожно помог ему приготовить его, а затем заменил на новое. Перевязав рану, он вздохнул: "Травма все та же, зачем ты пришел сюда?". В такой сильный дождь я совсем себя не берегу.

Ин Цзю надел рубашку и с улыбкой сказал: "Все в порядке. Раньше я убивал людей, если рана загнивала".

Ин Тринадцатый принес воду и дичь, которая была обработана, и сказал: "Ты один глуп. Тебя каждый раз вычисляют".

"Тринадцатый, переоденься и принеси одежду позже".

"Хорошо." Услышав слова Линь Цинъюй, Ин Тринадцатая передала игру Ин Цзю, а сама сняла слишком мокрую одежду.

Он оправился от травмы, но даже благодаря чудесным рукам Алана и хорошим лекарствам, на его теле все еще остались различные шрамы, особенно следы паяльника, распустившиеся на его стройном и красивом теле, как распустившийся цветок. на.

Зрачки Линь Цинъюя слегка уменьшились, а затем он поднял голову. Ин Тринадцатый быстро надел чистую одежду, затем взял из рук Ин Цзю дичь, поставил ее на огонь, а затем достал различные приправы.